

И. В. Киселева
(Калининград)

ПТИЦЫ В ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

Образ птицы у Ахматовой функционирует как символ. Анализ контекстов со словом птица и контекстов с названиями конкретных птиц — вороны, голубя, кукушки, журавля, ястреба, чайки и т. п. и названиями мифическими (например, Феникс), позволила выявить три различных способа использования мотива птицы.

Во-первых, образы птиц выполняют новые функции поэтические, например, мифологизации пространства путем введения в определенное пространство птиц типичных для русской народной традиции; выделения звуковых аспектов пространства путем призывания звуков птиц; а также — указания на отсутствие жизни в определенном пространстве (в тексте подчеркивается в то время отсутствие птиц в данном месте).

Во-вторых, образ птицы используется при описании женских: части тела и поведения женщины сравниваются с частью тела и поведением птицы, женские названия птиц переносятся на женщину. Этот прием служит созданию нового поэтического и живописного эффекта, помогает описать эмоции слишком сложные, чтобы выразить ими средствами.

Во-третьих, образ птицы появляется как символ души. Душа в текстах Ахматовой получает названия птиц: ястреба, белой чайки, голубка или вообще — имени белой птицы.

Целью данной статьи является рассмотрение образа птицы в лирике Ахматовой и возможности его метафорического переосмысления. Об образе птицы в лирике А. Ахматовой писали В. В. Виноградов, Б. М. Эйхенбаум, К. Верхьюл¹. Б. М. Эйхенбаум отмечал: «Птицы, де-

¹ Виноградов В. В. *Поэтика русской литературы. Избранные труды*. М., 1976. С. 423–426; Эйхенбаум Б. М. *О поэзии*. Л., 1969. С. 144–145; Verheul К. *The Theme of Time in the Poetry of Anna Ahmatova*. Hague–Paris, Mouton, 1971, P. 23, 30, 54, 89–90.

ревья, цветы, вещи — они всегда скрывают в себе у Ахматовой боковую, эмоциональный, а не прямо вещественный смысл, но, помимо этой своей стилистической роли, имеют и сюжетное значение, окружая героиню и ее жизнь некоторым бытом или воздухом. Что касается птиц, то здесь, помимо всего остального, сказывается как давняя литературная традиция, только подновленная, так и влияние фольклора — недаром мы находим такие образования, как „совенок” или „лебеденок” (ср. частушечное „миленок”). В более или менее явной форме дается параллелизм, обычный для фольклора»². О роли литературной традиции у Ахматовой писалось неоднократно³.

В лирике А. Ахматовой образ птицы является одним из самых значительных и загадочных. Мир птиц в произведениях Ахматовой представляют *ворона, голубь, кукушка, лебедь, журавль, ласточка, чайка, клест, иволга, коршун, павлин, гусь, синица, сова, ястреб, сокол, орел, соловей, жаворонок, утка, петух, чиж, воробей, галка, филин*, мифологические представители царства птиц — *Феникс, Сири́н, Гамаюн*, а также образ просто *птицы*, неизвестной, но наделенной какими-либо характеристиками для нее признаками (заметим, что данные характеристики дает лирический герой/героиня и они во многом зависят от состояния героя и его субъективного восприятия мира): *птица белая, черная, синяя, светлоокая, красногрудая, большая, вечерняя, певчая, летящая, хищная, злая, грустная, веселая, ласковая, нежная, улыбочивая, томная, дивная, смерти*.

Образ птицы у Ахматовой являет символическим. Мы можем выделить три области, в которых раскрывается значение данного образа в ахматовском представлении о мире.

1. Образы, восходящие к реальным птицам, но реализующие в своем значении более широкие художественные задачи, нежели только изображение птицы.

Лирика Ахматовой содержит богатый материал подобного рода. Мы находим множество примеров, где в образе птицы содержатся свойственные ей признаки⁴. Называя птицы, Ахматова, как правило, на-

² Эйхенбаум Б. М. Указ. соч. С. 144.

³ Например, Г. Н. Ермоленко пишет о лирике Ахматовой: „В ее классической и совершенной по форме поэзии культурный пласт необыкновенно важен. И наряду с Библией, традициями русской, итальянской поэзии в ее стихах всегда присутствовали образы, принадлежащие античной эпохе” (Ермоленко Г. Н. *Античная мифология в творчестве поетов „серебряного века” Мифы народов мира в 2-х частях. Ч. 2. М., 1996. С. 210*).

⁴ «Птицы выделяются в основную группу, или класс, на основании двух дифференциальных признаков — *локуса* (небо, воздух) и *модуса передвижения*

деляет ее какой-либо характерной чертой. Этому служат эпитеты, выраженные в большинстве случаев приведенными выше именами прилагательными. Присутствие птиц „оживляет” и расширяет пространство ахматовских произведений (очевидным становится существование вертикального измерения). Птицы осваивают данное пространство, определяют его границы и даже пытаются их преодолеть, ср.: „Все небо в рыжих голубях”⁵ (I, 218); „И все жаворонки всего мира / Разрывали бездну эфира” (I, 340).

Отсутствие же птиц указывает на безжизненность пространства. В стихотворении „Покорение пустыни” изображена местность, бывшая когда-то абсолютно мертвой, по позже превращенная в цветущий сад: „Цветут хлопковые поля / И великаны тополя, / Где птица не летала” (II, 57).

Птица также «озвучивает» пространство⁶, наполняя его разнообразными звуками и пением. Героиня слышит «пенье птицы», «крик / ястребиный / галочий / пенуший / журавлей / клеста / хищных птиц / печали лебединой», «клекот», «соловьиное петие», «курлыкание журавлей», слышит, как «гулит голубь».

Т. В. Цивьян подчеркивает преобладание зрительных впечатлений в ранней лирике Ахматовой и слуховых — в поздней. Поэтический мир ранней Ахматовой представлен „как видимый по преимуществу, воспринимаемый зрительно”, а мир поздней Ахматовой описывается как звуковой, слышимый мир⁷. К данной сфере относятся также образы, в которых отражены народные представления о птицах. Ахматова ак-

(„летать”), а признак единичности или множественности выступает по отношению к ним в целом как интегральный» (Гура А. В. *Символика животных в славянской народной традиции*. М., 1997. С. 257).

⁵ Ахматова А. *Сочинения: В 2-х томах*. М., 1990 (в скобках указываются номер тома и страницы).

⁶ «Еще одна особенность, выделяющая птиц из числа других животных, связана с их **акустической характеристикой**. Практически всем птицам (в том числе и домашним) приписывается способность произносить различные словесные возгласы и целые высказывания. Вербальная передача птичьих криков составляет основу особых звукоподражательных текстов как одной из разновидностей малых форм фольклора» (Гура В. А. Указ. соч. С. 530).

⁷ Цивьян Т. В. *Ахматова и музыка // Russian Literature*, 1975, № 10/11. П. 173, 175. Б. Кац отмечает, что «можно обозначить два излюбленных Ахматовой динамических состояния звука как пианиссимо (pp) и sforцандо (sf). <...> Знак sf мог бы стоять над такими строками: „И резкий крик вороны в небе черной” (1910); „Лишь изредка прорезывает тишь / Крик аиста, слетевшего на крышу” (1912) и др.» (Кац Б., *Звук и искусство звука среди мотивов ахматовской поэзии // Кац Б., Тименчик Р. Ахматова и музыка*. Л., 1989. С. 92.).

тивно использует фольклорные мотивы, что, естественно, обогащает художественный мир ее произведений. Так, например, в стихотворениях «Я слышу иволги всегда печальный голос» (I, 135), «Я спросила у кукушки» (I, 132) очевидно отражение народных представлений о данных птицах.

Как видим, с одной стороны, птицы, физически и в звуковом смысле наполняя пространство ахматовских произведений, делают его более конкретным, что позволяет нам воспринимать его как часть реальной действительности, с другой стороны, насыщение текстов образами птиц, типичными для русской фольклорной традиции, мифологизирует данное пространство.

2. Образ птицы–женщины. Ахматова активно использует слова лексико-семантического поля «птицы» по отношению к людям, но самым ярким является прием метаморфозы, когда женщина приобретает какие-то признаки птицы. При этом слово «птица» вообще может не употребляться, а уподобление создаваться за счет употребления метонимических обозначений типа «крылья», «полет», «лететь», «кликать»⁸.

Уподобление женщины птице распространено в классической культурной традиции⁹, а также часто встречается в фольклорных текстах. Заметим, что в тех случаях, когда Ахматова указывает на разновидность птицы, чаще всего женщина называет «лебедью», «ласточкой», «голубкой». Связано это, вероятно, с тем, что данные птицы относятся к разряду „чистых“¹⁰ и являются птицами с ярко вы-

⁸ «И я не могу взлететь, / А с детства была крылатой» (I, 45); «И я, больная, слышу зов, / Шум крыльев золотых /... / „Пора лететь, пора лететь...“» (I, 103); «Лебедью тебя я стану звать...» (I, 115); «Он застонал и невнятно крикнул: / „Ласточка, ласточка, как мне больно!“ / Верно, я птицей ему показалась» (I, 127); «Еще недавно ласточкой свободной / Сверхала ты свой утренний полет, / А нынче станешь нищенкой голодной, / Не достучишься у чужих ворот» (I, 138); «Я только голосом лебединым / Говорю с неправедной луной» (I, 163); «Я гибель накликала милым» (I, 168); «Говорил, что птицей прилечу / Через мрак и смерть к его покою, / Прикоснусь крылом к его плечу» (I, 181); «...голубку Джульетту...» (I, 205); «Лучше б я по самые плечи / Вбила в землю проклятое тело, / Если б знала, чему навстречу, / Обгоняя солнце, летела» (I, 226); «Я гибель накликала милым» (I, 168); «Ты поверь, не змеиное острое жало, / А тоска мою выпила кровь. / В белом поле я тихую девушкой стала, / Птичьим голосом кличу любовь» (II, 22).

⁹ В древнегреческом языке мы находим слово, в значение которого входят семы 'птица' и 'девушка'. Ср. *voσσις, ιδος, η*, 'птичка, девушка' ([Синайский И.] *Греческо-русский словарь*, составленный Иваном Синайским. М., 1869, Ч. 2. С 13).

¹⁰ См.: Гура А. В. Указ. соч. С. 527.

раженной **женской**¹¹ и **любовно-брачной** символикой. Подобное использование образа птицы приводит к тому, что мир птиц и мир людей воспринимаются как тождественные¹². Ахматова создает новый художественный образ, помогающий ей описать те эмоции, которые сложнее всего выразить словами.

3. Птица-душа. Данный образ как же связан с мифологическими представлениями о душе¹³, и Ахматова активно использует стереотипы, существующие в народном сознании. Прежде всего, это касается образов, отражающих душевные состояния. Одним из самых частых у Ахматовой является состояние тоски, печали: «Углем наметил на левом боку / Место, куда стрелять, / Чтоб выпустить *птицу* — *мою тоску* / В пустынную ночь опять. / ... / Вылетит *птица* — *моя тоска*, / Сядет на ветку и станет петь» (I, 60).

Словосочетание «моя тоска» приобретает все качества и признаки птицы (способность летать, петь и др.). В других стихотворениях заметно ахматовское следование мифопоэтической традиции. Например, «Я сметрельна для тех, кто нежен и юн. / *Я птица печали*. *Я — Гамаюн*. / Но тебя, сероглазый, не трону, иди. / Глаза я закрою, я *крылья сложу на груди*. . . » (II, 13).

Заметим, что состояния печали, тоски не затрагивают лирического героя, мужчину (второе лицо, к которому обращается героиня, обычно выражено определениями мужского рода, и при них часто употребляются глаголы прошедшего времени в мужском роде). Более того, они являются чуждыми для него. Для героини — это неотъемлемое состояние души, существующее независимо от того, кем она является.

Знаменательно то, что герой знает о существовании подобного состояния: «Тогда припомни час единый, / Вечерний удаленный, / И *крик*

¹¹ Птичьи метаморфозы очень распространены в русском фольклоре. Например, «сказочные девицы после купания обращаются в лебедиц, утиц или голубок (иногда это связано с утратой своей одежды и облачением в птичью)» (*Мифы народов мира*. Энциклопедия: в 2-х т. М., 1988. Т. 2. С. 347).

¹² С другой стороны, птичья символика усиливает различия между этими мирами. Например, в стихотворении «Милому» «разделенность между возлюбленными, возникающая в результате смерти героини, выражается биологическим различием между двумя формами жизни, животной и человеческой» (Verheul K. *Op. cit.* P. 21).

¹³ «Они (т.е. птицы) выступают как особые мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности, верха, неба, духа неба, солнца, грома, ветра, облака, свободы, роста, **жизни**, плодородия, изобилия, подъема, восхождения, **вдохновения**, пророчества, предсказания, связи между космическими зонами, **души**, дитяти, **духа жизни** и т.п.» (*Мифы народов мира*. Указ. соч. С. 346).

печали лебединой, / И взор моих прощальных глаз» (2, 24). Герой слышит «крик печали», он даже может выстрелить, чтобы выпустить тоску из души героини (I, 60), но проявления активности или, по крайней мере, определенного отношения к состоянию героини мы не находим.

Что касается изображения самой души, наиболее частым является представление души в виде конкретно названной птицы, которая ассоциируется в народных представлениях с образом души: «А тайная боль разлуки / Застонала белою чайкой» (I, 123); «Там ласточкой реет старая боль» (I, 235). Как известно, чайка¹⁴, ласточка¹⁵, и некоторые другие птицы в фольклорной традиции являются символами души. Заметим также, что для данной группы образов характерно использование типичных для фольклорных текстов названий птиц.

Для более подробного анализа образа души нам представляется интересным стихотворение «Муза ушла по дороге». Муза¹⁶, традиционно символизирующая вдохновение, покидает героиню, так как «Ведь здесь могила, / как ты можешь еще дышать?» (I, 77). Уже в этих строках можно увидеть связь между словами дышать и душа. Эти русские и общеевропейские слова принадлежат к семье слов от и.-е. корня *dheus-// *dhus- «разлетаться, рассеиваться» (об искрах, пыли, дыме), а также о дыхании. В ст.-сл. имеется еще и дъхъ 'дыхание, запах', а в ст.-сл. и др.-рус. глаголы дъхнѣти 'дохнуть, дышать' дъхати (ст.-сл.), дыхати (др.-рус.)¹⁷. Заметим, что в тексте стихотворения слово душа не встречается, но присутствует образ «голубки», несомненно, символизирующей душу: «Я голубку ей дать хотела, / Ты, что всех в голубятне белей» (1, 78). Белый цвет является типичным для ахматовского обозначения образа души¹⁸. Голубь традиционно в русском фольклоре является символом души, в христианской традиции голубь также символизирует Святой Дух. Таким образом, «белая голубка» воплощает в себе образ души. Естественно, что душа не может находиться в «могиле», где невозможно дышать. «Могила» (замкнутое пространство) стесняет душу, не

¹⁴ Мифы народов мира. Указ. соч. С. 347.

¹⁵ Гура А. В. Указ. соч. С. 627.

¹⁶ Подробнее о Музе в творчестве Ахматовой см.: Червинская О. В. Мифотворчество Анны Ахматовой // Вопросы русской литературы, 1989, (2).

¹⁷ Подробнее о душе см.: Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 570.

¹⁸ О значении цвета белый см.: Колесов В. В. Белый // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1983; Алимпиева П. В. Взаимодействие цвето- и светообозначений русского языка при формировании у них оценочных значений // Семантика русского языка в диахронии. Лексика и грамматика. Калининград, 1992.

дает ей раскрыться, распахнуться. По этой же причине Муза уходит от героини. Здесь нет места вдохновению (данное слово также является однокоренным слову дух), поэтому душа покидает героиню: «Но птица сама полетела / За стройной гостьей моей». Последняя строфа данного стихотворения противопоставляется всему тексту: «Я, глядя ей вслед, молчала, / Я любила ее одну, / А в небе заря стояла, / Как ворота в ее страну». Глаголы «молчала», «стояла» создают контраст с глаголами движения, которыми насыщен текст («Муза ушла», «Я долго... просила», «Но сказала», «Я... дать хотела», «птица... полетела»). Появившаяся статика указывает на застылость пространства, которое значительно расширилось (с помощью таких слов, как «небо», «заря», «ворота»), но словно омертвела без души, вдохновения (буквально, без птицы).

Образ *белой птицы* появляется также в стихотворении «Был он ревнивым, тревожным и нежным» (I, 75): «А чтобы она не запела о прежнем, / Он белую птицу мою убил. / ... / И я закопала веселую птицу / За круглым колодцем у старой ольхи» (I, 75). Данный образ также символизирует душу, так как после убийства души им и погребения ее героиня говорит: «Но каменным сделалось сердце мое», что свидетельствует о потере души как духовной сущности, как внутреннего исихического мира человека, его переживания. Герою представляются реальными любовь и творчество без чувств, вдохновения: «Промолвил, войдя на закате в светлицу: / „Люби меня, смейся, пиши стихи!“». Использование Ахматовой образа птицы-души доказывает ее внимание к внутренней стороне человеческой жизни.

Итак, рассмотрев образ птицы у Ахматовой, мы можем сделать вывод, что мнение о конкретности, реалистичности творчества Ахматовой является не совсем верным. Ассоциативность творчества и ассоциативность восприятия у Ахматовой как у поэта внутреннего чувства не являются случайными. Как заметила Л. Гинзбург, «трансформация первичного, лежащего в основе метафоры сравнения становится все более разорванной, противоречивой, многоступенчатой. А наряду с этим суггестивность другого рода: сближение представлений, которые не сплавляются в метафору, остаются самими собой, но в своем сцеплении порождают новые, неназванные смыслы. Таков, например, метод Ахматовой».¹⁹ Образ птицы является ярким тому примером, отражая элементы мировидения поэтессы и помогая реконструировать ее религиозно-мифологические представления о мире.

¹⁹ Гинзбург Л. О лирике. М., 1997. С. 333.

BIRDS IN ANNA ACHMATOVA'S POETRY

In Achmatova's poetry, the image of a bird is symbolic. An analysis of contexts with the word meaning 'bird', those with words referring to specific species, e. g. crow, dove, cuckoo, crane, swallow, lapwing, etc., as well as those with names of mythological creatures, e. g. phoenix, revealed three different uses of the motif of a bird.

First, the images of birds perform new poetic functions: they give a mythological character to places (via references to birds typical of Russian folk tradition), augment auditory aspects of space (via evocation of bird voices), and evoke the atmosphere of the lack of life in a particular space (achieved by emphasizing the lack of birds in that space).

Second, the image of a bird is evoked in descriptions of women, whose behaviour and body parts are compared to the behaviour and body parts of a bird; female bird names are also transferred onto the woman. The technique brings about a new poetic and painterly effect, facilitating descriptions of very complex and otherwise undescrivable emotions.

Third, the image of a bird appears as a symbol of the soul, which in Achmatova's poetry is referred to by bird names, e. g. swallow, white lapwing, dove, or generally by the figure of a white bird.